

Методику подобного анализа к тем местам «De providentia», где Синодальный касается социальной напряженности, Г. Альберт, однако, не применяет. Более того, в отличие от анализа «De regno», он сознательно не касается философско-этического аспекта «De providentia», который-де не служит целям исследования (с. 74).

Досадно, что немецкий ученый не попытался решить и другой, связанный с источниковой базой темы, принципиальный вопрос: почему церковно-историческая традиция приписала Гайне узурпаторские планы (с. 74—75, примеч. 74; 87—88, примеч. 3; 110, примеч. 111)? Явно недостаточно объяснение, согласно которому Сократ, Созомен и Феодорит преувеличивали опасность, чтобы подчеркнуть роль божественного провидения в спасении государства. Недостаточна и апелляция к безусловно интересным наблюдениям А. Липпольда: последний лишь сравнил указанные мысли церковных историков с суждениями других позднеантичных авторов о коварных намерениях варваров вообще в отношении империи и отметил (вслед за И. Штраубом) топологический характер подобных оценок.

Неровное внимание к источникам проявляется в книге и в том, что автор крайне редко использует данные законодательства при раскрытии политики той или иной правящей группы. Между тем анализ таких сведений позволил бы, например, лучше раскрыть суть «гражданского правительства» Евтропия и причины его большей устойчивости, нежели префектуры Аврелиана. Ведь недаром в те годы законы благоприятствовали торгово-ростовщическим элементам провинций, а торгово-ростовщическая верхушка городов усилилась через включение в курии богатых плебеев⁸.

Нельзя не обратить внимание и на то, что подробно рассмотренные Г. Альбертом действия в 399—400 гг. Иоанна Златоуста оказываются изъятыми из контекста предшествующего (в том числе антиохийского) периода деятельности этого виднейшего церковного политика. Отсюда трудность понимания подоплеку появления Иоанна на константинопольской кафедре (с. 151, примеч. 1). Апелляция к мнению К. Закжевского о попытке Евтропия опереться в конфликте с сенаторами на церковь неаргументированна, хотя дальше Альберт прямо говорит о глубоком конфликте между die Ver-

mögenspolitik церкви и экономическими интересами сенаторов (с. 169).

Конечно, доказательства в пользу самостоятельной позиции Златоуста в конфликтах 399—400 гг., — позиции, направленной на усиление столичного епископата (с. 177), — очень интересны: здесь и осуждение им «врага церкви» Евтропия; и использование выдачи готам комита Иоанна, Аврелиана и Сатурнина для критики богатства и алчности этих лиц (что вскоре ухудшило отношения Златоуста со двором); и, наконец, отказ передать готам-арианам одну из столичных церквей. (Поэтому, по Альберту, Златоуст оказался «между фронтами» накануне июля 400 г.) Однако автор бездоказательно пишет о «глубоком доверии епископу со стороны «широких слоев столичного населения» как опоре независимости Златоуста, тем более что при оценке событий 12 июля говорится как о «спонтанном взрыве» ненависти горожан к готам, так и о потере епископом контроля над восстанием (с. 171—182).

Таким образом, представленный Г. Альбертом материал объективно ведет дальше постулируемого в монографии вывода о чисто политическом характере борьбы в Константинополе в последние годы IV в. Возвращаясь в этой связи к поставленному в начале рецензии вопросу о понимании исследователем сущности die Gai-nas-Krise, нельзя не признать, что данный кризис сводится им к столкновению Гайны с ситуацией, определяемой, с одной стороны, растущей враждебностью власть имущих к карьеристским планам гота, а с другой — давлением «свиты» последнего, которая стремилась к лучшему статусу. Многочисленные серьезные наблюдения исследователя по частным моментам темы не могут восполнить скромности такого обобщения.

Тем не менее основная заслуга Г. Альберта — в убедительном показе несостоятельности концепций о борьбе «германизма» и «национально-римского» направления в политике и идеологии поздней античности. С другой стороны, его труд подкрепляет соображения об отсутствии условий для закрепления варваров в Византии IV—V вв. из-за специфики расстановки в ней социальных и политических сил. Однако, хотя Г. Альберт подходит близко к осознанию значимости в борьбе того времени социального фактора, большинство просчетов книги вызвано явной недооценкой последнего.

А. С. Козлов

Beck H. G. Kaiserin Theodora und Prokop: Der Historiker und sein Opfer // Serie Piper-Porträt. München; Zürich, 1986. 166 S.

Новая книга замечательного западногерманского византиниста Ханса Георга Бека написана без единой ссылки и вышла в популярной серии. Таких работ о Феодоре вышло за рубежом немало — уж больно соблазнителен материал «Гайной истории». Прокопий позволяет историку

не отягчать научную совесть самочинным расцветиванием сведений источника: его рассказ беллетристичен сам по себе, достаточно процитировать, чтобы развлечь читателя, не изменив в то же время подлиннику.

Казалось бы, книга Бека очередная

⁸ См.: Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв.: (Конец античного города в Византии). Л., 1971. С. 147.

в ряду многих, но это лишь первое впечатление. Она полемически заострена против этих многих. Но об этом мы поговорим позже, а пока — о концепции книги.

Всякая художественная биография, говорит Бек (с. 9—10), построена на анекдотах, и попытка «отслоить» анекдотический пласт биографии неизбежно ведет к созданию еще одной биографии — на сей раз самого биографа. В реальности Бек с нее и начинает: первая половина книги (с. 16—68) посвящена Прокопию. В нее входят следующие главы: «Становление и работа Прокопия», «С Велисарием на персидском фронте», «Восстание Нпка», «Вандальская война», «Конец готов» «Уход Велисария». Увы, мы слишком мало знаем о самом Прокопии, и даже приведенные названия показывают, сколь трудно вычлется его биография из общесторического контекста, в значительной мере им же и сотканного.

Но для автора Прокопий — второстепенный образ, подчиненный главной задаче — созданию полнокровного, целостного портрета Феодоры. Современная западная публика, пишет Бек (с. 11), знает о Византии две вещи: что там была «развратная Феодора» и что там были иконы с их «метафизическим колоритом». Однако эти полюса окажутся не столь уж полярны, если вспомнить, что единственное изображение Феодоры — мозаика в церкви Сан-Витале. Образ этой женщины двоится под пером историков: она то кокетка, то властная императрица, — но перед нами одна и та же личность. Современные ученые довольствуются утверждениями, что, хотя Прокопий и преувеличивает, «что-то за этим стоит». Но это значит не утверждать ничего (с. 12, 96). Бек идет другим путем: он ставит всякий факт в контекст того, что могло происходить именно в Византии именно в VI в.

Вторая часть книги состоит из следующих глав: «Византийская индустрия зрелищ», «Антонина», «Юность Феодоры», «Феодора и Юстиниан», «Религиозная политика императорской четы», «Вассалы, генералы, чиновники», «Право и произвол», «Жертва историка».

Вот скандальная юность Феодоры, излюбленный сюжет ее биографов. Фактом здесь можно признать только то, что девушка была мимической актрисой. Все остальное домысливается автоматически, поскольку мим был фриволен по своей жанровой сути, а актеров презирали как людей второго сорта. Уже современник и земляк Прокопия Хорикий предостерегал от отождествления исполнителя и его роли (с. 76, 95), однако даже и в XX в. простигнуткой чернили Эвиту Перон только за то, что она была актрисой (с. 94).

Стиль Бека местами становится весьма патетичен: для вас Феодора — «роковая женщина», а знаете ли вы, что, родившись в актерской семье, она не имела права покинуть актерский цех, что приличные люди не могли с ней даже разговаривать, что повстречаться с актрисой на улице

считалось дурной приметой? Вы смакуете описанное Прокопием срамодейство Феодоры с гусями — да ведь перед нами не изыск чувственности, а явно рутинный мим «Леда и лебедь» (известно, отдавал ли себе в этом отчет сам Прокопий), который игрался по сценарию; актрисы, с детства привыкшие к пощечинам, были практически собственностью постановщиков (с. 95). Ну, а каков мог быть источник «сведений»? «Господа офицеры в гарнизонной скуке... предавались воспоминаниям о своих приключениях в столице... А уж когда представлялся случай щегольнуть старым знакомством с императрицей, тут пикантность достигала апогея» (с. 93).

Вот так Бек расправляется с мифами. Императрица вела отличную от мужа религиозную политику? Да ведь Юстиниан всю жизнь лавировал между церковными толками (с. 117). Феодора заставляла людей жениться насильно? Да нет же, просто нарушала патриархальные обычаи сватовства (с. 137). Прокопий обвиняет правящую чету в конфискациях чиновничьих состояний — но это было закономерной частью системы, предлагавшей взятничество и казнокрадство (с. 140). Наиболее изычным вышло у Бека психологическое объяснение двух главных черт характера Феодоры: ее высокомерия и ее прержвенности монофиситству. Императрица заставляла аристократов падать перед собою ниц, чтобы не видеть издевки в их взгляде: «прошлое Феодоры было всегда угрожающим настоящим, и лишь покров недоступного величия мог защитить ее» (с. 140); тем-то и привлекала ее монофиситская доктрина, что предвечная сущность, не должна была, согласно ей, соседствовать с человеческой. Такое непосредственное «вобожение» импонировало Феодоре по личным причинам (с. 150).

Бек видит несколько причин ненависти Прокопия к Феодоре: аристократия Константинополя вообще неодобрительно относилась ко всему семейству Юстина, этим «высочкам и варварам», а Прокопий разделял эти чувства, «то ли по принадлежности к этим кругам, то ли из снобизма» (с. 108). Разумеется, воцарение женщины из «бесчестного» актерского сословия было для них последней каплей. Кроме того, за ненавистью Прокопия стоял типичный для человека поздней античности страх перед женским превосходством (с. 158). Но, кроме социальных и общекультурных, имелись и сугубо личные причины: во-первых, надо было найти оправдание неудачам Велисария (с. 67, 70, 135), а во-вторых, Прокопий сам был неудачником (с. 154): его скромные успехи явно не соответствовали амбициям, даже надежды на покровительство Велисария не оправдались. В этой ситуации быстро обречение людей, уступавших ему и образованностью, и происхождением, было вдвойне обидно. «Разочарованный флигель-адъютант превратился в кляузника» (с. 158). Бек делает ряд тонких наблюдений над отношением Прокопия к Феодоре, справедливо отмечая как «маниакальную мо-

нотонность», так и «безнадежный эротизм» его обвинений (с. 104).

Некоторые построения автора нуждались бы в дополнительных обоснованиях: так ли уж блестяще был Прокопий образован? Так ли обязательно ощущал себя греком? Настолько ли глух к классицизму императорский двор, чтобы отвергнуть работы историка из-за их фуккидидова стиля? Наконец, лейтмотивом книги Бека является утверждение, что Прокопий на все смотрел сквозь призму интересов армии (с. 28, 67, 69—70, 117, 135, 157), — нам же представляется, что историк даже в гуще войны оставался сугубо штатским человеком и, хотя большинство его персонажей офицеры, местоимением «мы» он объединяет себя лишь с гражданскими сословиями.

Отметим две мельчайшие неточности книги. Прокопий стал советником Веллария не в 530 г. (с. 24), а в 526 г. Герман был не племянником Юстиниана (с. 63), а его кузеном¹.

Умная книга Бека, несмотря на внешнюю простоту, содержит в своем фундаменте массу научной информации из разных сфер: теологии (с. 112, 148—151), права (с. 59, 79, 100—101, 142—143, 147, 150), истории церкви (с. 97—98, 110—123). Однако сведения эти нигде не нарушают общего популярного тона книги — она воистину рассчитана как на специалистов, так и на самый широкий круг читателей (принцип, столь же часто прокламируемый в аннотациях к отечественным изданиям, сколь и редко в них выдерживаемый).

Годом раньше увидела свет еще одна монография о Прокопии, принадлежащая

перу известной английской исследовательницы Аверил Камерон². Бек не успел ею воспользоваться, не будем подробно на ней останавливаться и мы³. Обратим внимание лишь на одну главу — «Прокопий и Феодора» (с. 67—83). При несхожести, а подчас и полной противоположности выводов обоих авторов объединяет исходная позиция — резкое отмежевание от той лавины околонучных поделок, которыми, как можно понять, наводнен рынок в их странах. Ни Бек, ни Камерон не могут писать о Феодоре так, будто этой паралитературы не существует; оба они с некоторым даже вызовом противопоставляют себя читательскому ожиданию «клюквы». Другое дело, что дальше их пути расходятся: Камерон (в соответствии с общей концепцией книги) вообще отказывается видеть за описанием Прокопия какую бы то ни было реальность (с. 68, 73, 83) — все это для нее лишь риторика. Нелепо, говорит она, (с. 69) пытаться составить рецепт косметических снадобий Феодоры, если для самого Прокопия они не более, чем символ ее суетности. Камерон стремится почти совсем деперсонализировать Феодору и тем самым выбить почву из-под любых спекуляций. Бек, напротив, темпераментно доказывает, насколько реальная жизнь объемнее этих аляповатых картинок. При этом, как мы говорили вначале, немецкий ученый бьет врага его же оружием — он хочет простыми словами рассказать, сколь сложны те сюжеты, о которых читатель привык судить облегченно. Написанная с остроумием и блеском, его книга может быть признана несомненной удачей.

С. А. Иванов

Civico Istituto Colombiano: Studi e Testi. Serie Storica / A cura di Geo Pistarino. Genova, 1976—1986. Т. 1—10.

Серия трудов, издаваемая Институтом Колумба в Генуе под общей редакцией профессора Генуэзского университета Джео Пистарино, — неординарная публикация¹. В ней собраны научные исследования и источники, освещающие предпосылки и историю Великих географических открытий. Естественно, что большое место уделено торговно-предпринимательской деятельности итальянских морских республик, проблемам генуэзской колонизации. Ниже мы останавливаемся

на тех трудах, которые имеют непосредственное отношение к истории Византии, Латинской Романии и Крыма.

Программное значение для серии имеет статья Дж. Пистарино «История Средиземноморья — проблемы и перспективы» (5. Р. 7—22). Автор призывает к решительному отказу от европоцентризма, от рассмотрения этой истории только в свете конфликтов христианства и ислама, крестовых походов и т. п. По его мнению, надо искать более глубокие

¹ Martindale I. Prosopography of the Later Roman Empire. L., 1980. P. 505.

² Cameron Av. Procopius and the Sixth Century. Berkeley; Los Angeles, 1985.

³ Нашу рецензию см.: BSL. 1988. Vol. 49.

¹ 1) *Balletto L.* Genova Mediterraneo Mar Nero (sec. XIII—XV). — Genova, 1976. 294 P. (нашу рецензию на эту книгу см.: ВВ // 1980. Т. 41. С. 298—300); 2) *Saggi e documenti.* Genova, 1978. I. 566 P.; 3. 1) *Saggi e documenti.* Genova, 1982. II, tomo 1. 306 p.; 3. 2) *Saggi e documenti.* Genova, 1981. II. Tomo 2. 541 P.; 4) *Saggi e documenti.* Genova, 1983. III. 558 P.; 5) *Saggi e documenti.* Genova, 1983. IV. 274 P.; 6) *Calvini N.* Nuovo Glossario Medievale Ligure. Genova, 1984. 418 P.; 7) *Saggi e documenti.* Genova 1985. V: *Storici Sovietici del Levante Genovese / A cura di A. Prefumo.* 276 P. (см. рецензию Е. Тодоровой: ВВ // 1987. № 6. С. 141—143); 8) *Saggi e documenti.* Genova 1985. VI. 484 P.; 9.1) *Saggi e documenti.* Genova, 1986. VII. Tomo 1. 164 P.; 9.2) *Saggi e documenti.* Genova, 1986. VII. Tomo 2. 362 P.; 10) *Pistarino G.* Notai Genovesi in Oltremare: Atti rogati a Tunisi da Pietro Battifoglio (1288—1289). Genova, 1986. 242 P. При цитировании ниже в скобках в тексте мы указываем порядковый номер томов серии.